

Окрім того, дорога відіграє не лише символічну роль, а й конкретно-чуттєву репрезентацію. Це конкретний шлях (у кожного персонажа він свій) до людей з метою пробудження національної свідомості, людської гідності.

Митуса покликаний бути речником народу. Тому, залежно від соціально-політичної ситуації, він або кликав єднати руську землю, або словами своїми “чернь ворохобив” супроти князів. Така амбівалентність персонажа пояснюється прагненням бачити руську землю суверенною, державу, побудованою на засадах гуманізму і єдиновладдя, й, у першу чергу, бачити свій народ духовно вільним і незалежним, бо духовна форма рабства – найтяжча. Загалом прекрасно орієнтуючись у соціально-політичній, духовній, культурній сферах того часу, авторка зуміла фрагментарну лінію Митуси піднести до рівня духовного символу доби XIII ст., боротьби суспільних пристрастей.

Отже, Р. Іванченко, змодельовавши образи митців і народних речників, які несли світло, не уникаючи при цьому соціальних і морально-етичних проблем сучасності, дає підстави говорити про актуальність порушеної проблеми в літературі й літературознавстві, а також про перспективи її дослідження.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Смысл творчества / Н. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 173 с.
2. Галицько-Волинський літопис / пер. В. Махновця. – Львів : Червона калина, 1994. – 254 с.
3. Гессе Г. Сиддхарта / Г. Гессе // Избранное. – К. : Фирма “Фита Лтд”, 1993. – С. 5-139.
4. Гордин Я. Порвалась связь времен? / Я. Гордин // Вопросы литературы. – 1986. – № 3. – С. 43-71.
5. Іванченко Р. Гнів Перуна : роман / Р. Іванченко. – К. : Радянський письменник, 1982. – 503 с.
6. Іванченко Р. Золоті стремена : роман / Р. Іванченко. – К. : Радянський письменник, 1984. – 447 с.
7. Ільницький М. Людина в історії: (Сучасний український історичний роман) / М. Ільницький. – К. : Дніпро, 1989. – 356 с.
8. Ільницький М. Історія мисляча / М. Ільницький // Дніпро. – 1969. – № 4. – С. 140-149.
9. Ловмянский Х. Русь и норманы / Х. Ловмянский. – М. : Прогресс, 1985. – 304 с.
10. Озеров Л. Лира родилась из лука / Л. Озеров // Литературное обозрение. – 1976. – № 5. – С. 2.
11. Повесть минулих літ : літопис / пер. В. Близнеця. – К. : Веселка, 1989. – 221 с.
12. Сахаров В. Михаил Булгаков: уроки судьбы / В. Сахаров // Булгаков М. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. – К. : Молодь, 1989. – С. 3-14.
13. Франко І. Літературні письма / І. Франко // Збір. тв. : у 50 т. – К. : Наукова думка, 1980. – Т. 26. – С. 26-48.
14. Франко І. Проповідь і поучення / І. Франко // Збір. тв. : у 50 т. – К. : Наукова думка, 1983. – Т. 40. – С. 36-159.
15. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр // Собр. соч. : в 5 т. – М. : Московский клуб, 1992. – Т. 1. – 395 с.

УДК 821.161.1:82-311.6

ЕВОЛЮЦІЯ ГЕРОЯ В РОМАНАХ Д. МОРДОВЦЕВА О ПЕТРЕ I

Павленко І. Я., д. філол. н., професор, Гринь Ю. В., студент

Запорозький національний університет

В статті аналізуються художественна специфіка, форми вираження і динаміка змін авторського відношення до героя.

Ключевые слова: історичний роман, історизм, герой, епоха, художественна інтерпретація, інтертекст.

Павленко І. Я., Гринь Ю. В. ЕВОЛЮЦІЯ ГЕРОЯ В РОМАНАХ Д. МОРДОВЦЕВА ПРО ПЕТРА I / Запорізький національний університет, Україна.

У статті аналізуються художня специфіка, форми вираження та динаміка змін авторського ставлення до героя.

Ключові слова: історичний роман, історизм, герой, епоха, художня інтерпретація, інтертекст.

Pavlenko I. Y., Grin Y. V. THE EVOLUTION OF THE HERO IN NOVELS BY D. MORDOVCEV ABOUT PETER I / Zaporizhzhya National University, Ukraine.

The article analyses the artistic specifics, the forms of the expression and the dynamics of the changing of the author's relations to the hero.

Key words: historical novel, historicism, hero, epoch, artistic interpretation, intertext.

Д. Мордовцев (в українській літературі відомий як потомок старинного казачього роду Данило Мордовець) – прозаїк, поет, історик і публіцист, автор численних романів, повістей, хронік, наукових монографій і очерків. По думці А. Кауфмана, літературного наслідства Д. Мордовцева “хватило би на відомість і славу цілої дюжини письменників” [1], однак сьогодні твори цього автора відомі лише вузькому колу читачів. У полі зору критиків і літературознавців частіше потрапляли українськомовні романи Д. Мордовцева (на них звернули увагу І. Франко [2], С. Ефремов [3] і др.). З російськомовних творів досліджені роман “Знаменіє часу” і повість “Нові російські люди” [4; 5; 6], що обумовлено актуальністю їх змісту для сучасників письменника. У зв'язі з активізацією інтересу до історичного минулого України і Росії відроджується інтерес до історичної белетристики, в тому числі і до творів Д. Мордовцева, вийшло з друку збірка його творів у 14-ти томах [7]. У той же час в українській літературознавстві з'явилися дослідження окремих аспектів творчості Д. Мордовцева [8; 9; 10; 11 і др.]. Однак в цілому цей автор недооцінений, о чому свідчать відгуки про його твори в академічних історико-літературних виданнях (“Жанр історичного роману кінця ХІХ століття знаходився в стані упадку і став достоянням второстепенних (В. Солов'єв, Д. Мордовцев), а то і вовсе бульварних (Л. Жданов) романистів” [12]). В “Історії українсько-російських літературних зв'язків” [13] цей автор згадується лише в зв'язі з підготовкою так і не вийшовшого “Українського збірника”.

Таким чином, немає цілісного аналізу творчого насліддя письменника, не звернуто уваги на специфіку художньої інтерпретації петровської епохи в його творах. Так, в кандидатській дисертації Е. Чечуй “Петровські перетворення в російській історичній прозі першої половини ХІХ ст.: історичний матеріал і романтична інтрига” [14] поряд з аналізом творів письменників другого ряду І. Лажечникова, Н. Полевого і др. ніде не згадується творче насліддя Д. Мордовцева. Цим обумовлено новизна статті. Актуальність мотивована постійно зростаючим інтересом читаючої публіки до історії і її переломним моментам, необхідністю формування нового погляду на специфіку літературного історизму і індивідуально-авторського бачення минулого.

Мета статті – дослідження динаміки художньої інтерпретації діяльності Петра І і його епохи в романах Д. Мордовцева, оскільки в творах цього автора – професійного історика, – написаних протягом двох десятиліть, простежується зміна бачення героя і часу від абсолютно незвичного для російської літератури, до власного значущої частини фольклорних творів, осудження царя до його міфологізації, пануючої в літературній традиції.

Петровському часу присвячено чотири романи Д. Мордовцева: “Тінь Ірода. Ідеалісти і реалісти” [15] (1876), “Цар і гетьман” [16] (1880), “Цар Петро і правительниця Софія” [17] (1885), “Державний плотник” [18] (1895). Символічно, що хронологія написання романів не збігається з хронологією подій, зображених в них, однак в цілому охоплено майже весь період правління Петра І. При цьому художній час першого роману пов'язано з останніми роками правління Петра, а третій роман починається з опису поховання Олексія Михайловича і намірів Софії стати єдиновладною правительницею Росії. Таким чином, за характером подій і в зв'язі з передачею основних етапів біографії Петра романи могли б скласти тетралогію з такою послідовністю творів: “Цар Петро і правительниця Софія”, “Державний плотник”, “Цар і гетьман”, “Тінь Ірода. Реалісти і ідеалісти”. Зв'язок між творами проявився і в розвитку второстепенних сюжетних ліній (наприклад, історія любові Павлуші Ягужинського до Мотре Кочубей, історія взаємостосунків Петра і Анни Монс, доля Мазепи, поширення таємного знання і т.д. В кожному з романів згадується дочка казачього полковника Хмары Оксана – героїня роману “Тінь Ірода” і т.д.). Однак логіка розвитку головного героя і його ставлення до нього не дозволяє говорити про аналізоване творіння як про єдиний цикл.

Час написання творів і їх послідовність в творчому наслідді Д. Мордовцева свідчать про те, що в його свідомості, як і в творчості, відбувається поступове змінення уявлень про Петра, амплітуда оцінок коливається від порівняння з антихристом і Іродом до бачення Державного плотника (створителя, творця). І кожен з полюсів цієї амплітуди опирався на багатобічне знання передісторичної російської і (що дуже важливо) української культурної (наукової, фольклорної, літературної) традиції.

В фольклоре и в литературе Пётр и его преобразования оценивались по-разному. Известный специалист по русской литературе XVIII в. Ю. Стенник пишет, что “сам процесс осмысления фигуры Петра I в литературе представляет собой любопытный феномен мифологизации исторической личности, начавшийся уже при жизни великого монарха и продолжающейся до сих пор” [19]. С одной стороны, Пётр – это просвещённый монарх, защитник простых людей, царь-работник, который путём политических, военных, культурных преобразований вывел Россию на европейский путь развития. Такой подход формируется ещё в XVIII в. творчестве Ф. Прокоповича, А. Кантемира, М. Ломоносова и подхватывается литературой XIX в. (“Полтава” и “Арап Петра Великого” А. Пушкина, “Последний Новик” И. Лажечникова, “Стрельцы” К. Масальского, “Мазепа” Ф. Булгарина, “Русские в начале осьмнадцатого столетия” М. Загоскина и др.). С другой стороны, в правлении этого царя и проводимых им реформах видели знамение приближающегося конца света, что и приводит к формированию образа Петра-антихриста в легендах и псалмах, функционировавших уже во время его правления. Оба эти подхода находят своё отражение в романах Д. Мордовцева: первый – в романах “Царь и гетман”, “Царь Пётр и правительница Софья” и “Державный плотник”, а второй – в романе “Тень Ирода. Идеалисты и реалисты”.

Изменение отношения к герою и способов его характеристики тесно связано с фольклорным интертекстом анализируемых произведений. В первом романе о Петре автор для воссоздания атмосферы эпохи и характеристики царя обращается к цитированию и аллюзивным отсылкам к старообрядческой эсхатологической легенде и псалмам (новейшим духовным стихам) о скором конце света. В последующих книгах произведения эти фольклорные жанры практически не упоминаются, зато в “украинских сценах” романов “Державный плотник” и “Царь и Гетман” цитируются украинские думы или появляются аллюзивные отсылки к ним, что позволяет читателю постичь свободолюбие и сердечность украинского народа, своеобразие украинской культуры, героизм женщины-украинки. “Дума о Марусе Богуславке” во многом мотивирует поведение и становление характера любимой дочери Кочубея. Интересны фольклорные аллюзии и реминисценции в раскрытии противостояния Мазепы и Палия: при создании образов этих персонажей автор ориентирован на народную память о них, воплотившуюся в украинских исторических песнях, легендах и преданиях.

С изменением отношения к прошлому Д. Мордовцев всё чаще обращается к историческим трудам, однако считает их источником фактов, а задачу художника видит в познании душ героев. Так, в романе “Царь и гетман”, описывая оживление украинских земель после руины, “палиивщину”, делает примечательную оговорку: “Как оживали эти сухие кости, как скреплялись жилами, покрывались плотью и кожей – об этом, благосклонный читатель, зри почтенных историков – Соловьёва, Костомарова, Антоновича, Кулиша, и в особенности Костомарова, который уже заготовил и полотно, и краски, и кисти для создания великой картины “руины” и ее воскресения... Я же, благосклонный читатель, поведу тебя туда, куда не смеет проникнуть историк, и покажу то, чего историк показать не может. Я поведу тебя в область творчества, черпающего свои идеалы из архива более обширного, чем все архивы государства, открытые историку, и, не отступая от исторической правды, покажу тебе самую душу исторических деятелей” [16]. И развитие образа Петра в последних романах – попытка постичь внутренние побудительные причины преобразований.

В первом романе Д. Мордовцева о Петре монарх изображён в соответствии с традицией, берущей своё начало, прежде всего, в фольклоре старообрядческой среды. Он наделён чертами антихриста (“нечеловеческий рост, нечеловеческие поступки, нечеловеческое сердце – да, это он, под ногами которого трещит земля и стонут люди, – он, который отнял у России покой...” [15, с. 152]), а эпоха его правления в сознании героев романа связывается с приближающимся концом света.

Учение о Петре-антихристе берёт своё начало из тетрадок Григория Талицкого, на которого неоднократно ссылаются старообрядцы в первом романе. История поимки Талицкого, допросов, пыток и казни – одна из сюжетных линий романа “Державный плотник”. Кроме Талицкого, в этом деле оказывается замешана ещё масса людей – в большинстве своём представители духовенства, однако среди них и садовник, батырщик, хлебного двора подклочник и другие. В ссылку отправляют и жён тех, кто “уверовал в антихриста” [18]. Распространение идей Талицкого в среде старообрядцев – одна из основных сюжетных линий романа “Тень Ирода. Идеалисты и реалисты”.

Неоднократно здесь повторяется мотив массового самоожжения. Часто среди старообрядцев звучат духовные стихи, объясняющие и мотивирующие их поведение:

Как возговорит Христос Царь небесный:
Ох ты гой еси, аллилуева жена милосерда,
Ты скажи Мою волю всем людям,
Всем православным христианам,
Чтобы ради Меня они в огонь кидались,
И кидали б в огонь младенцев безгрешных... [15, с. 242].

***

Погорите-пострадайте за имя Христово,
 Не давайтесь вы во прелесть зверину,
 Во прелесть зверину, во антихристову... [15, с. 242].

Вероятно, здесь сказывается тот факт, что, согласно эсхатологической легенде, “избранники спасутся своей верой в Священное писание: в борьбе с силами и искушениями этого мира они сохранили верность царству небесному” [20, с. 71]. То есть, лишь немногие, сумев противостоять антихристу в период его царствования, спасут свои души для загробной жизни.

Нужно сказать о том, что в последующих произведениях изменяется отношение не только к Петру, но и к противостоящим его преобразованиям старообрядцам. В любом случае, это воплощение антитезы старого/нового, однако симпатии автора колеблются от одного полюса к другому. В первом (по времени) романе он воспекает духовное сопротивление, стремление спасти душу через страдание и смерть. Далее практически снимается мотив самопожертвования, а на смену ему приходит мотив обмана и провокации со стороны духовных лидеров старообрядчества. Сцена массового самосожжения есть и в романе “Царь Пётр и правительница Софья”, однако здесь несколько иначе расставлены акценты. Антихристом, с точки зрения старообрядцев, является не Пётр, а Никон и его последователи, принявшие “новую” веру. Когда за скитниками приходят солдаты, их “идейный вдохновитель” Емельян поджигает скит. Характерно, что никто из скитников не готов “погореть за веру”, они пытаются спастись, бегут из горящего дома, бросаются в озеро – Мордовцев это действие называет “адским”. Сам же Емельян и ещё один чернец, прихватив казну, бегут из скита. Далее на протяжении романа автор ещё несколько раз изображает Емельяна как человека недалёкого и нечестного. Таким образом, и идея старообрядцев выглядит несостоятельной, а они сами – обманутыми своим предводителем.

В первом по хронологии событий романе “Царь Пётр и правительница Софья” описано детство и юность царя, которого автор характеризует как “царь-непоседа” [17], “царь-кипяток” [17] и неоднократно называет “огненным мальчиком” [17] (последние определение принадлежит С. Соловьёву, о чём пишет и Д. Мордовцев в романе [17]). Для соперницы-сестры царевны Софьи он “медвежонок”, до поры до времени безопасный, потому борется она сначала с “медведицей”, но хорошо понимает, что власть можно взять в свои руки только при малолетнем Петре, позже, если его не сжить со свету, он превратится в грозного и могучего соперника.

В романе внимание акцентировано на жестокости времени и условий, в которых формируется характер ребёнка-царевича, привыкшего с детства бороться за собственную жизнь, а не только и не столько за трон, преодолевать опасности и враждебное отношение окружающих, отстаивать собственную честь и право на власть. И в этом романе, как и в предшествующем по времени, воссоздаётся атмосфера жестокости, бессердечия, косности. Однако это атмосфера, которая создавалась задолго до воцарения Петра, и в преодолении которой он видит цель своего правления. С детства он привык сопротивляться среде, бороться за собственную жизнь и жизнь матери, а затянувшееся состязание с сестрой и участие в этом противостоянии стрельцов и бояр свидетельствовало о том, что выжить можно только при единоличном правлении. Личный и личностный рост Петра, по логике этого романа, был связан и с развитием его притязаний на трон.

Показательна для характеристики юного царя сцена импровизированной битвы за Перекоп, которая проходила на льду Москвы-реки с “потешными робятками”. Здесь показано формирование вначале потешных Семёновского и Преображенского полков, сыгравших значительную роль в свершении петровских намерений. Юный Пётр уже в этой битве проявляет талант стратега: понимая, что “русские” крепости не возьмут, он назначает “князем Василием Голицыным” Никиту Зотова, на которого накануне рассердился, а сам “воюет” за татар. И уже в следующей главе романа настоящий Василий Голицын не смог взять Перекоп.

Вторая сцена, определявшая, по сути, один из основных векторов деятельности Петра, – обнаружение юным царём английского (“англицкого”) бота. Это событие “делает перелом в его молодой огненной душе” [17], и Пётр буквально заболевает идеей создания флота и выхода к морю. Настойчивый царь добивается своего, и в романах “Царь и гетман” и “Державный плотник” описываются его блестящие морские победы, взятие Шлиссельбурга [18], Ниеншанца [16; 18], острова Котлин [16]. После взятия армией Петра Ниеншанца денщик Павлуша Ягужинский сравнивает монарха с исполином, а автор вспоминает строки из “Медного всадника” А. Пушкина: “На берегу пустынных волн // Стоял он, дум великих полн...” [18].

Море для Петра – источник “положительного вдохновения” [16]. Д. Мордовцев пишет, что “тихий прибой волн и плеск воды у крутых ребер плавно скользящего по заливу катера казались ему музыкой” [16]. Даже в романе “Тень Ирода. Идеалисты и реалисты”, в котором царь оценивается сквозь призму восприятия главного героя как антихрист и русский Ирод, навигаторы отмечают, что “он на воде добрее, чем на земле” [15, с. 183].

В романе “Царь и гетман” Д. Мордовцев отмечает: “Нужно было иметь необыкновенную, невероятную и положительно нечеловеческую крепость организма и в то же время страшную упругость воли, чтобы осиливать разом столько дела, и притом дела векового, сложного, крупного...” [16], подчёркивая тем самым размах и плодотворность петровских деяний. Здесь уже и намёка нет на дьявольское начало, поскольку речь идёт о колоссальной созидательной деятельности на благо государства. Показательны в этом смысле и название романа “Державный плотник”, и эпиграф к нему – отрывок из стихотворения А. Пушкина “Стансы (В надежде славы и добра ...)”: “То академик, то герой, // То мореплаватель, то плотник, // Он всеобъемлющей душой // На троне вечный был работник” [18]. В последних двух романах Д. Мордовцев обращается к истории о том, как царь ездил в Голландию учиться корабельному делу и назвался в чужих странах “капитаном бомбардерской роты” [18], “русской земли плотником” [17] Петром Михайловым. Автор неоднократно обращает внимание на руки царя: “мозоли плотника, мозоли от топора, от молота – все ладони в мозолях, словно бы это были ладони рудокопа” [16], “он глянул на свои ладони, все в мозолях, царские руки в мозолях, как у последнего плотника!..” [18], называет его “невиданным и неслыханным рабочим порфиросцем” [16].

В романе “Тень Ирода. Идеалисты и реалисты” первая часть названия (“Тень Ирода”) представляет собой аллюзивную отсылку к образу отличавшегося жестокостью царя Иудеи. В “Краткой истории евреев” [21] описывается государственная деятельность Ирода, его жестокость по отношению к подданным и многочисленные казни, что, по мнению Д. Мордовцева и его героя, сквозь призму восприятия которого передаётся атмосфера петровского времени, созвучно отношению Петра к подданным. Ещё ребёнком главный герой, Левин, слышал от отца о казнях в Москве: “А на Москве страсти – и не приведи Бог, стрельцам головы рубит, словно кочаны капустные... мертвые тела на колесах, а головы на кольях гноит” [15, с. 15]. Позже Левин сам, находясь в столице, видит место казни: “Один столб – два – три – четыре... много столбов... На столбы понатыкано что-то тоже заиндевевшее, словно клочья седой шерсти...” [15, с. 142]; “На иных столбах какие-то колеса с зубцами... На колесах тоже валяется что-то распластанное, безобразное... Торчат и белеются кости белые...” [15, с. 142]. Пётр из казней устраивает публичное зрелище. Отрубленные головы выставляет на кольях или же приказывает заспиртовать их и сохранять в “куншткаморе” “в назидание нашим подданным и их потомству: да ведают все, яко в нашем царстве порок всегда наказывается, добродетель же торжествует” [15, с. 176]. Однако для героев романа сомнителен факт торжества справедливости посредством убийств.

Мотив казни повторяется и в последующих произведениях, но получает различную мотивировку, во многом зависящую от того, кто из героев их наблюдает и оценивает. Стрелецкие казни, о которых вспоминает Левин в “Идеалистах и реалистах”, подробно описываются в романе “Царь Пётр и правительница Софья”, однако здесь автор делает акцент на мотивации поступка Петра. Стрелецкое восстание, организованное Софьей, – ужасное воспоминание юного царя: “Перед ним пронеслись вереницей мрачные кровавые картины его жизни: стрельцы врываются во дворец и заливают его кровью, а трепещущая мать стоит на коленях и молится о нем, о своем ребенке-царе, а этот царь дрожит, перед кем! – перед дикими, пьяными изуверами... Сестрица торжествует, державствует... Видел он, как отлетели на проезжую дорогу головы обоих Хованских... Кровь Цыклера и Соковнина ручьями льется в гроб Милославского... Вот дорога, уставленная вместо верстовых столбов виселицами, и здесь виселицы, виселицы без конца... А все стрельцы!” [17]. Пример жестокости подаёт Софья, беспощадно расправляясь со всеми, кто готов поддержать брата-соперника, его же действия обусловлены не только и не столько мстью, сколько желанием выжить, осуществить свои мечты. Другого способа самосохранения молодой царь просто не знает. Таким образом, в жестокости обвиняется эпоха, а юный Пётр, постепенно осознающий необходимость всестороннего преобразования Руси, – её создание. И уже в этом романе утверждается величие Петра и мысль о том, что величайшее из дел царя-реформатора – изменение духа времени. Не случайно произведение завершается словами: “...ни светлых картин, ни светлых личностей в повествовании нет. Но это не вина автора. Он искал исторической правды, только правды, и искал ее не в личном творчестве, не в создании типов, а в трудах историков, в исторических документах. Они давали автору уже готовыми и типы, и образы, и картины. И если на читателя образы эти и картины производят удручающее впечатление, то под таким же впечатлением сам автор следил шаг за шагом за событиями обрисованной им эпохи и постарался передать их в форме романа. Правда, мрачными и грустными красками обрисовалась избранная автором эпоха, но, повторяю, краски эти дала автору сама история. Она густо и грубо наложила их на страницы “розыскных дел”, на столбцы “распросных речей”. Зато после обозрения всей нарисованной автором мрачной картины тем светлее вырисовывается величавый образ того, который “похоронил” ту ужасную эпоху, который сделал невозможным ее возврат, ее повторение...” [17].

Символический смысл приобретает сцена похорон стрельцов, которую Пётр называет “похоронами старой московской Руси”, нелюбимой им с детства. О четырнадцатилетнем царе Д. Мордовцев пишет, что “ему огадили эти вечные толки о “перстном сложении”, о “трегубой аллилуе”, об “аллилуевой жене”; все эти “бысть видение”, в “сонях старцев”, “в тонце сне”, “некий муж”, “жена некая”; эти “знамения”

“сороки”, “борода седенька”, “бысть глас” – всей этой чепухе Москва верила, о ней только и говорила, и это злило “огненного мальчика” [17] и он много времени проводил в Немецкой слободе. Д. Мордовцев, в духе своего времени, называет Петра “первым русским отрицателем” и нигилистом [17], а “всепьянейший и всешутейший собор” характеризует как “нигилистическую вакханалию” [17]. Автор описывает целый обряд, связанный с избранием “князь-папы”, посвящением в “шутейшие патриархи” и “митрополиты” [17]. В романе цитируется “песнь Бахусова” [17] или “канун Бахусов и Венерин” [17], также текст “посвящения” [17]. Характерно, что об этом “обряде” вспоминает в застенке Иван Хованский в романе “Державный плотник”: “Микита Зотов (князь-папа – прим.) ставил меня в митрополиты, и дали-де мне для отречения столбец, и по тому-де письму я отрицался, а во отречении спрашивали, вместо веруешь ли, пьешь ли?” [18]. Через восприятие “всепьянейшего и всешутейшего собора” Ромодановским Д. Мордовцев, фактически, даёт оценку этому шутовскому и в то же время кощунственному действию: “Князь-кесарь отлично понимал, что с точки зрения религии это – кощунство и надругательство над церковною обрядностью, как смотрел на это и допрашиваемый и пытаемый им в застенке книгописец Талицкий; но Ромодановский также не мог не сознавать, что гениальный преобразователь России кощунствовал не для кощунства, не для забавы, а ради высших государственных интересов; князь Ромодановский видел, что царь прибегал к этим крутым и даже рискованным мерам для того, чтоб умалить влияние невежественного духовенства на темные массы” [18]. Современный же исследователь пишет: “Читая в романе, как Петр учинил устав “всепьянейшего и всешутейшего собора”, чин ставления в “шутейшие патриархи” и распевал на этих “соборах” им же сочиненные “Бахусовы и Венерины кануны”, задумываешься о том, что он, видимо, ревновал своих подданных в их вере в бога, желая направить энергию этой веры на великое, начатое им дело” [22].

Д. Мордовцев неоднократно указывает, что, в целом, отношение к церкви у царя было сложным. В романе “Державный плотник” Пётр вспоминает церемонию “вербного воскресения”, увиденную в детстве, “когда патриарх, по церковному преданию, должен был представлять собою Христа, въезжающего в Иерусалим, то есть в Кремль, “на жеребятиосли”, и когда царь, отец маленького Петра, Алексей Михайлович должен был вести в поводу это обрядовое “осля” с восседающим на нем патриархом” [18]. Тогда же будущий царь слышит перешёптывание стрельцов о том, что старше, главное в государстве патриарх, потому как “не помажь он (царя на царство – прим.), и царем ему не быть” [18]. Пётр не приемлет традиционную аллегорию. Он говорит Ромодановскому, что “ни единожды не водил в поводу осляти с патриархом на хребте”, “и никому из царей его больше напредки не водить, да и патриархам на Руси напредки не быть” [18]. Тем самым писатель мотивировал истоки церковной реформы и новое решение Петром вопроса о соотношении государства и церкви. Нарушение обрядовой традиции знаменует подчинение церкви государству, церковной власти правителю государства. В этом же романе описан исторический факт: Пётр после поражения под Нарвой велит перековать церковные колокола на пушки: “Оставь им по малому колоколыцу, и того довольно, а все остальные, большие и малые, на пушки!..” [18], а всех священнослужителей монарх хочет обратить в чернорабочих: “Так лопаты, заступы, кирки, топоры им в руки, а не кадила!..” [18]. Для служителей церкви недопустимо такое посягательство на “священное достояние храмов” и людей “ангельского чина”. Характерно, что поражение русской армии под Нарвой они объясняют “карой Божьей, грозным предостережением свыше царю за его безбожные действия” [18], а игумена посещает мысль о “последних временах”.

Уважение Петра к представителю духовенства изображено в романе “Царь и гетман”. Автор отмечает, что “Петр, для которого московские бородачи и черные клобуки были более ненавистны, чем шведы, только перед одним клобуком невольно смирялся как перед олицетворением нравственной идеальной чистоты, добра и правды – это перед клобуком смиренного, кроткого Митрофана” [16]. Д. Мордовцев вводит в роман сцену, в которой царь “идёт на встречу” епископу, убирает стоящие у входа во дворец статуи античных богов, которые Митрофан называет “идолами еллинскими” и из-за которых отказывается входить во дворец. Д. Мордовцев отмечает, что “это было первый раз в жизни Петра, что он покорился чужой воле” [16]. Этот же эпизод Пётр вспоминает и в романе “Державный плотник” [18]. (Здесь прослеживается явный хронологический сбой, т. к. события романа “Державный плотник” предшествуют событиям, описанным в романе “Царь и гетман”).

Через все романы проходит история взаимоотношений Петра с сыном Алексеем. В первом произведении она подготовлена названием. История Алексея аллюзивно восходит к истории заточения, а в дальнейшем и казни Иродом своего сына Антипатра, в котором он видел конкурента и претендента на власть. Как свидетельствуют исторические источники, император Август, узнав о казни Антипатра, воскликнул: “Гораздо лучше быть свиньей иудейского царя, чем его сыном!” [21].

В начале романа царевич Алексей говорит о том, что “и зверь свое дитя любит, а меня... меня убить хотят, как злодея...” [15, с. 82]. Его отец “не ценит человеческой крови. Он думает, что как Бог он имеет право жизни и смерти. Он уже много пролил невинной крови. Он сам налагал руку на несчастных, казнил собственноручно как палач...” [15, с. 96]. Автор фиксирует и развивает мнение, бытовавшее в народе: Пётр убивает того, на кого возлагают надежду на избавление, торжество гуманности и справедливости. Так, когда царевич умер, в Петербурге “пошли слухи”, что “государь-де царевича

запытал и в хомуте-де он умер за то, что он-де, царевич, богоискательный человек и не любил немецкой политики” [15, с. 150].

В других произведениях Д. Мордовцев также акцентирует внимание на нелюбви царя к престолонаследнику, которого Пётр считает “выродком”, поскольку он “морю не любит, войны не любит...” [16], “не по его голове будет шапка Мономахова” [18]. Автор отмечает, что “нет в нем батюшкина огня, а скорее видна матушкина мягкость” [17]. Да и сам Алексей ещё в детстве проявляет интерес к монашеской жизни, говорит, что “лучше в келейке молиться, нечем батюшковым-то обычаем царство мутить” [17]. Позже Алексей, если и планирует стать царём, то хочет “завести всё опять старое, по старине, а новое изгнать” [16]. Такую позицию осуждает даже царевна Софья, которая, в целом, настроена против петровских реформ. После взятия Ниеншанца Пётр, глядя на сына, видит апатию и безразличие, он мечтает о том, что вторая жена – Екатерина – родит ему сына, который и должен стать следующим царём: “Не сидеть постылому Алексею на престоле в Петербурге – довольно Алексеев! Пусть Петры только будут царствовать в Российской земле!...” [16].

Конфликт получает различные мотивировки: сын нелюбимой жены, слишком мягкий и болезненный, поддерживаемый сестрой-соперницей, непокорными боярами, церковниками и старообрядцами. Противостояние обусловлено желанием удержать власть. В последних романах – Алексей не способен к управлению государством и развитию отцовских реформ. С ним Россия возвратится к прошлому, следовательно, нелюбовь отца к сыну мотивируется заботой о будущем государства, потому в романах “Царь и гетман” и “Царь Пётр и правительница Софья”, в отличие от романа “Тень Ирода. Идеалисты и реалисты” нет ни личного авторского, ни народного осуждения такого отношения Петра к сыну. Лишь в романе “Державный плотник” Д. Мордовцев отмечает, что Алексея поддерживали все недовольные деятельностью Петра: “... за ним стояла вся старая Россия, все недовольное нововведениями сильное и богатое боярство, все озлобленное против церковных “новшество” духовенство, озлобленное притом кощунственными издевательствами над ним этих “всешутейших и всепьянейших соборов”, этих “князей-пап”, “княгинь-игумений”, святотатственными “канунами Бахусу и Венере”... А все раскольники? А народ, долженствовавший выносить усиленные налоги и усиленную рекрутчину?...” [18], но сам автор принял построенную Петром Россию новую.

Изменение отношения к Петру и его эпохе проявляется в сквозном мотиве строительства новой столицы. В первых романах она названа “проклятым Вавилоном-Питером” [15, с. 217]. Для героев романа создание Петербурга, как и Вавилонское столпотворение – вызов Богу, что мотивирует ожидание героями Божьей кары и приближения конца света. Вавилон – символ человеческой гордыни, утверждения собственного всемогущества и соперничества с Богом. Отсюда – постоянная оценочность сравнения новой столицы с Вавилоном. Петербург в романах Д. Мордовцева – символ воплощённых личных амбиций, вызов природе. В отличие от Вавилонской башни, город построен, он есть, однако в нём постоянно враждуют новизна и старина, отсутствует взаимопонимание даже внутри семьи, любое счастье оказывается зыбким. Сравнение постоянно актуализирует предчувствие наказания, необходимого по логике библейских аллюзий. Постепенно семантика сравнения меняется. Взрослый Пётр, стремящийся построить новую столицу России, “парадиз всего российского царства” – “Питербург”, о Москве вспоминает с обидой и называет столицу “сердцем России... кое присно живет в разладе с рассудком” [16]. Даже Фомушка юродивый, носитель народной морали, отмечает, что строительство Петербурга – это сколачивание гроба “старой, бородатой, косной Руси” [16]. Автор же сравнивает это строительство со строительством вавилонской башни, “в которую он (Пётр – прим.) обратил всю Россию, как бы желая скорее добраться до неба, захватить у времени и у истории все, что потеряла Россия в течение не одного столетия спячки, застоя и внутренних неладиц” [16]. Символично появление орла во время планирования Петром закладки новой столицы: “Знамение, знамение! – радовался Ягужинский. – Такой же орел кружил над Цезарем, когда он переходил через Рубикон” [18]. Так подчёркивается величие Петра и даётся оценка его государственной деятельности. В романе “Державный плотник” город – апофеоз петровской деятельности: “... создание Петербурга Державным Плотником – это была борьба титана с природою и стихиями, и титан победил, положив основание городу, в котором, как в фокусе государственности, с течением времени сосредоточилась вся интеллектуальная мощь великой страны, ее коллективный государственный ум, ее коллективное законодательное творчество, ее коллективная работа в области наук и искусств – и единойдержавная воля венчанного потомка Державного Плотника” [18].

Таким образом, в творчестве Д. Мордовцева постепенно меняется отношение к герою и характер его изображения. В первом романе все проблемы и апокалиптический характер эпохи автор связывает с характером и деятельностью Петра. Позже он склонен к мысли о том, что Пётр – порождение жестокой эпохи и средства его продиктованы эпохой и условиями становления и развития. Д. Мордовцев пытается объяснить жестокость преобразований детскими впечатлениями юного монарха, фактически указывая на то, что жестокость порождается жестокостью, а расправа с инакомыслящими едва ли не сводится к элементарной борьбе за выживание. Пётр борется со всем, что угрожало ему в детстве и юности, а позже

могло остановить движение к мечте. Будучи порождением жестокой эпохи, монарх использовал её средства.

В романах “Царь и гетман”, “Царь Пётр и правительница Софья” и “Державный плотник” писатель анализирует деятельность Петра, фиксирует бытовавшее в народе мнение о Петре-антихристе, описывает казни стрельцов и непростые отношения царя с сыном, однако в целом в этих произведениях Пётр предстаёт великим монархом и преобразователем. Показательными являются и авторские замечания о его подходе к изображению Петра I и оценке деятельности монарха. В статье “Об авторе” Д. Володихин пишет, что в романе “Царь и гетман” “в Петре I, образ которого написан с большой симпатией, если не сказать – с любовью, для Мордовцева воплотился сам прогресс, бурный, неостановимый, но и “несвободный”, необычайно дорого стоивший стране и народу” [23].

Красной нитью проходит мысль о том, что царь меняет общество и меняется сам, он трудится над созданием и укреплением государства и над собственным созиданием. На смену страху, ненависти, стремлению выжить и стать сильнее, доказать своё право на престол и правоту своих реформ, приходит любовь, умение думать о других, заботиться о судьбах близких людей и подданных (ведь даже к матери добрые чувства он питал только в детстве, а позже её покровительство рассматривал как излишнюю опеку, желание устроить его судьбу по личному желанию, следовательно, вести в привычное, традиционное русло).

В разных романах царь – детоубийца, скоморох, попирающий вековые моральные нормы и традиции, державный плотник, прозорливый политик, постепенно растущий стратег, бесстрашный воин и, наконец, правитель, готовый пожертвовать жизнью ради спасения своих подданных. В последних романах Пётр и его деятельность приобретают всё более гуманный характер. Это уже не Ирод, а царь-преобразователь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кауфман А. Даниил Лукич Мордовцев: Из личных воспоминаний / А. Кауфман // Исторический вестник. – 1910. – № 10. – С. 225-234.
2. Луцишин О. Творчість Данила Мордовця в оцінці Івана Франка (до проблеми національної ідентичності письменника) / О. Луцишин // Українське літературознавство : зб. наук. пр. – 2006. – Вип. 68. – С. 163-169.
3. Сфремов С. Історія українського письменства / С. Сфремов. – К. : Феміна, 1995. – 608 с.
4. Богданович А. Воскресшая книга. “Знамение времени” г. Мордовцева [Электронный ресурс] / А. Богданович. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/bogdanowich_a_i/text_0320oldorfo.shtml
5. История русской литературы : в 3 т. / главн. ред. Д. Благой. – М. : Наука, 1964. – Т. 3. – 902 с.
6. Салтыков-Щедрин М. Новые русские люди. Роман Д. Мордовцева [Электронный ресурс] / М. Салтыков-Щедрин. – Режим доступа : <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/saltykov-schedrin/novye-russkie-lyudi-mordovceva.htm>
7. Мордовцев Д. Собр. соч. : в 14 т. [Электронный ресурс] / Д. Мордовцев. – Режим доступа : <http://www.booka.su/?product=966>
8. Бойко Н. Українська історична проза другої половини XIX ст. (історичні джерела та художній дискурс) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 / Н. Бойко. – К., 2002. – 21 с.
9. Зайдлер Н. Концепція образу козацького ватажка у романі Д. Мордовця “Царь и гетман” // Наукові записки. – Серія : Філологічні науки (літературознавство). – Кіровоград : РВГ ІЦ КДПУ ім. В. Винниченка, 2002. – Вип. 47. – С. 41-48.
10. Пустовіт В. Національно-культурний компонент у структурі художнього тексту (на матеріалі роману Д. Мордовця “Сагайдачний”) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 / В. Пустовіт. – Запоріжжя, 2001. – 20 с.
11. Путря Н. Роман Д. Мордовцева “Идеалисты и реалисты” [Электронный ресурс] / Н. Путря. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2010/09/09/1184>
12. Литвин Э. Валерий Брюсов / Э. Литвин // История русской литературы : в 4 т. – Л. : Наука, 1983. – Т. 4 : Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917). – С. 480-519.
13. Крутікова Н. Єднання української та російської демократичних літератур у часи пролетарського визвольного руху / Н. Крутікова, І. Бажинов, І. Купріянов, Т. Свербілова // Історія українсько-російських зв'язків : у 2 т. – К. : Наукова думка, 1987. – Т. 1. : Дожовтневий період. – С. 291-315.

14. Чечуй Е. Петровські перетворення у російській історичній прозі першої половини XIX ст.: історичний матеріал і романтична інтрига : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.02 / Е. Чечуй. – Херсон, 2009. – 19 с.
15. Мордовцев Д. Идеалисты и реалисты / Д. Мордовцев. – М. : Книга, 1989. – 352 с.
16. Мордовцев Д. Царь и гетман [Электронный ресурс] / Д. Мордовцев. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/357358/read>
17. Мордовцев Д. Царь Пётр и правительница Софья [Электронный ресурс] / Д. Мордовцев. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/357357/read>
18. Мордовцев Д. Державный плотник [Электронный ресурс] / Д. Мордовцев. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/263879/read>
19. Стенник Ю. Петр I в русской литературе XVIII века [Электронный ресурс] / Ю. Стенник. – Режим доступа : <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5928>
20. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М. : Инвест – ППП, СТ ППП, 1996. – 240 с.
21. Дубнов С. Краткая история евреев [Электронный ресурс] / С. Дубнов. – Режим доступа : <http://jhistory.nfurman.com/code/dubnov18.htm>
22. Сенчуров Ю. Исторические видения Даниила Мордовцева. Вступительная статья к книге Д. Мордовцева “Державный плотник” [Электронный ресурс] / Ю. Сенчуров. – Режим доступа : http://az.lib.ru/m/mordowcew_d_1/text_0020.shtml
23. Володихин Д. Об авторе [Электронный ресурс] / Д. Володихин. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/357358/read>

УДК 821.161.2-3 Мушкетик

ПОЕТИКА КІНОПОВІСТІ Ю. МУШКЕТИКА “СІЧ-МАТИ”

Полещук Г. Я., к. філол. н., ст. викладач

Київський національний університет культури і мистецтв

У статті досліджується поетика кіноповісті Ю. Мушкетика “Січ-мати” як система зображально-виражальних засобів, що, утілюючи художню ідею, забезпечують формозмістову єдність твору. Особливу увагу приділено аналізу твору на образному, сюжетно-композиційному, мовному рівнях.

Ключові слова: поетика, кіноповість, персонаж, мовні засоби, психологічний стан, сюжет, композиція.

Полещук А. Я. ПОЭТИКА КИНОПОВЕСТИ Ю. МУШКЕТИКА “СЕЧЬ-МАТЬ” / Киевский национальный университет культуры и искусств, Украина.

В статье исследуется поэтика киноповести Ю. Мушкетика “Сечь-мать” как система изобразительно-выразительных средств, которые, воплощая художественную идею, обеспечивают формосодержательное единство произведения. Особое внимание уделяется анализу произведения на образном, сюжетно-композиционном, языковом уровнях.

Ключевые слова: поэтика, киноповесть, персонаж, языковые средства, психологическое состояние, сюжет, композиция.

Polieshchuk H. Y. THE POETICS OF THE SCREEN STORY BY Y. MUSHKETYK “SICH-MOTHER” / Kyiv National University of Culture and Arts, Ukraine.

This article discusses the poetics of the screen story by Y. Mushketyk “Sich-mother” as a system of expressive means that embody the idea of the story and unify its form and contents. The particular attention is paid to the analysis of the previously mentioned work on the levels of imagery, plot, composition and language.

Key words: poetics, screen story, character, linguistic means, psychological state, plot, composition.

Оригінальною спробою “жанрового перекодування” епічного твору М. Гоголя “Тарас Бульба” є кіноповість Ю. Мушкетика “Січ-мати”, яка ще не була об’єктом дослідження науковців. Саме відсутністю аналізу вищезазначеного твору й зумовлена поява цієї статті, метою якої є з’ясування особливостей його поетики, що тлумачиться автором як система зображально-виражальних засобів, які, утілюючи художню ідею, забезпечують формозмістову єдність твору.

Використана на початку кіноповісті Ю. Мушкетика “Січ-мати” невелика пейзажна замальовка, що завдяки колористиці й художнім засобам (порівнянням – “білими лебедями плывуть хмари” [7, с. 2];